

© Сенюк Н.Ю.¹, 2022

Прямые международные инвестиции как средство экономического со-развития стран БРИКС в условиях пандемии COVID-19

Аннотация. Прямые международные инвестиции имеют важное трансформационное значение для глобальной конкурентоспособности быстрорастущих экономик, включая экономики стран БРИКС. Экономическую основу такой трансформации создает соответствующая реструктуризация основного капитала стран – участниц группы, обуславливающая опережающий рост ВВП, а вместе с тем и национального богатства. Благодаря его опережающему росту группа БРИКС стала наиболее устойчивым источником глобального экономического развития планеты. За 15 лет поэтапной интеграции в странах БРИКС сформировалось довольно полное представление о работоспособных механизмах многостороннего инвестиционного сотрудничества на всех уровнях. Кроме того, созданы и успешно функционируют совместные и национальные институты развития, формирующие институциональную инфраструктуру многостороннего сотрудничества. Обладая огромным и далеким от инвестиционного насыщения потенциалом международного производства и со-развития, страны БРИКС в разной степени заинтересованы в привлечении глобальных технологически ориентированных ПИИ.

---

¹ **Сенюк Нинель Юрьевна** – кандидат экономических наук, доцент, Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (seniukninel@gmail.com).

Однако, отталкиваясь от изначальной ориентированности на развитие реального производства, страны – участницы БРИКС поневоле оказываются вовлеченными в существующий мирохозяйственный порядок с доминированием монетаристских методов управления экономическими системами и процессами. Как следствие национальные экономики БРИКС неизбежно ощущают на себе кризисные инфляционные удары, порождаемые развитыми экономиками.

Ключевые слова: БРИКС, ПИИ, глобальные цепочки стоимости, VUCA-условия, американо-китайская торговая война.

Введение

Идея БРИК как горизонтальной консолидации экономических потенциалов крупнейших быстрорастущих стран 2000-х годов – Бразилии, России, Индии, Китая – была выдвинута экономистом «Голдман сакс» Джимом О’Нилом. В своей работе 2001 г. О’Нил предсказал неотвратимость постановки вопроса об активном участии этих стран в глобальном экономическом и политическом управлении [O’Neill, 2001]. В 2006 г. идея такого политического объединения получила свое развитие в виде создания политического блока БРИК в ходе Санкт-Петербургского экономического форума. Но уже в 2011 г. после присоединения ЮАР этот клуб трансформировался в объединение пяти стран – БРИКС. Участие Южной Африки привело к включению Африканского континента в группу БРИКС, которая в сентябре 2021 г. отмечала свое 15-летие успешным проведением Нью-Делийского саммита на высшем уровне.

На сегодняшний день одним из основных вопросов, обсуждаемых в рамках БРИКС, являются инструменты расширения экономического сотрудничества между странами. В качестве основных средств, укрепляющих такое сотрудничество, могут выступить прямые международные инвестиции (ПМИ) как в форме прямых иностранных, так и зарубежных инвестиционных вложений (ПИИ и ПЗИ) [Reviving FDI’s..., 2021]. То, что ПМИ оказывают позитивное воздействие на экономическую динамику стран в целом и будут способствовать развитию стран БРИКС в частности, сомнений не вызывает. Данный подход основан на убеждении, что привлечение прямых инвестиций странами-реципиентами приводит к:

1) созданию новых рабочих мест и повышению занятости; 2) укрупнению и диверсификации производственных мощностей, что способствует увеличению разнообразия, качества и доступности товаров и услуг; 3) трансферу технологий и распространению новых знаний; 4) увеличению финансовых возможностей филиалов; 5) расширению цепочек поставщиков и рынков сбыта промежуточной продукции; 6) ужесточению конкуренции и повышению конкурентоспособности экономики [Evenett, Fritz, 2021].

В этом смысле образование БРИК в предкризисном 2006 г. происходило в благоприятный момент на фоне восходящего инвестиционного тренда, когда глобальные потоки ПИИ опережали рост ВВП, а их доля в общих объемах международного движения капитала повысилась почти на порядок – с 2–3% в 1995 г. до 23% в 2008 г. [Reviving FDI's..., 2021]. К тому же в условиях предкризисного инвестиционного бума, когда мировые потоки ПИИ в 2007 г. превысили 2 трлн долл., развивающиеся экономики демонстрировали их более высокую отдачу (10–12% против 9–10% в развитых странах), в силу чего страны БРИК стали наиболее привлекательными их реципиентами. Характерно, что та же тенденция сохранялась и в период глобального финансового кризиса 2007–2009 гг., когда глобальные потоки ПИИ резко уменьшились – с 2,1 трлн долл. в 2007 г. до 1,1 трлн долл. в 2009 г. [World investment..., 2010, p. 7], а их рентабельность снизилась на 9% вместо 6% [Reviving FDI's..., 2021]. При этом совокупный приток капитала в БРИК увеличился с 198,3 млрд долл. в 2007 г. до 276,2 млрд долл. в 2008 г., затем резко уменьшился до 183,4 млрд долл. в 2009 г., а затем возрос до 251,5 млрд долл. в 2010 г., немного не дотянув до уровня предкризисного 2007 г. из-за существенного снижения показателей Бразилии и России [World investment..., 2021, p. 248–250].

В течение второго десятилетия XXI в. мир предпринимал целенаправленные усилия по восстановлению прямых инвестиционных потоков, но достичь уровня 2007 г. удалось только к середине 2010-х годов. Однако удержать эту динамику не получилось. Напротив, в дальнейшем наблюдалось последовательное снижение ПИИ до 1,5 трлн долл. в 2019 г., перешедшее в драматическое падение до 999 млрд долл. в 2020 г. вследствие глобального макро-

экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [World investment..., 2021, p. 249]. При этом доля стран БРИКС в совокупном ввозе ПИИ возросла с 65% в 2018 г. до более 85% в 2020 г., прежде всего за счет Китая и Индии, обеспечивших 12,6 и 5,7% прироста соответственно [World investment..., 2021, p. 248–250].

В целом за прошедшее десятилетие накопленный китайской экономикой прямой иностранный капитал увеличился почти в 6 раз, превысив 1,9 трлн долл. в 2020 г., а на учрежденных с его участием предприятиях создавалась треть китайского ВВП и трудилось около 27% всей рабочей силы [Reviving FDI's..., 2021]. Более спокойную динамику демонстрировала индийская экономика (прямой иностранный капитал увеличился в 2,3 раза до уровня 480 млрд долл.), в то время как в остальных странах – членах БРИКС наблюдались процессы деинвестирования, что привело к относительному отставанию совокупных темпов накопления ПИИ в странах БРИКС (совокупный рост в 1,73 раза) по сравнению как с развивающимися (совокупный рост в 1,94 раза), так и развитыми экономиками (совокупный рост в 2,18 раза) [Ibid., p. 252–255].

Весьма характерно, что Китай начинает демонстрировать также стремительный рост потоков ПЗИ. Уже в кризисные годы КНР резко нарастила ПЗИ – с 22,5 млрд долл. в 2007 г. до 40,4 млрд долл. в 2008 г. и 48,0 млрд долл. в 2009 г., – обогнав ранее лидировавшую Россию (55,1 млрд долл. в 2007 г., 75,5 млрд долл. в 2008 г. и всего 38,7 млрд долл. в 2009 г. [World investment..., 2010, p. 167–171]. В послекризисном десятилетии китайские ТНК стремительно увеличили свои вклады – почти в 7,5 раза (до 2,35 трлн долл.), в то время как ЮАР – только в 3 раза (до 250 млрд долл.), Индия – в 2 раза (до более 191 млрд долл.), Бразилия – в 1,5 раза (до более 277 млрд долл.), а Россия – всего в 1,1 раза (до 380 млрд долл.). Тем не менее совокупно страны БРИКС за десятилетие увеличили свои зарубежные накопления более чем в 4,2 раза – на фоне увеличения в 2,9 раза у развивающихся стран (до 8,7 трлн долл.) и в 1,76 раза у развитых стран (до 30,1 трлн долл.) [World investment..., 2021, p. 252–255]. Однако относительная доля ПМИ в совокупных вложениях в основной капитал на этом этапе продолжала неуклонно

снижаться, уменьшившись с 5,5% в 2007 г. до 3,5% в 2015 г. и до всего около 1% по итогам 2020 г.

Учитывая, что, по мнению экспертов, ежегодно требуется привлечение дополнительных инвестиций в объеме в среднем 3,9% от стоимости основного капитала для компенсации его эксплуатационного износа (амортизационного выбывания) [Evenett, Fritz, 2021, p. 46], накопленные на конец 2020 г. 41,3 трлн долл. ПИИ потребуют для своего поддержания около 1,6 трлн долл. новых инвестиций, что значительно больше их реального потока в размере 999 млрд долл. Несколько лучше выглядит положение дел в развивающихся экономиках, где из 662 млрд долл. привлеченных инвестиций 460 млрд долл. фактически будет направлено на амортизационные цели, а оставшиеся более 200 млрд долл. могут быть направлены на прирост основного капитала. В целом это указывает на глобальное недоинвестирование реальной экономики, что порождает острую потребность не только в научном поиске причин такого падения, но и в пересмотре инвестиционной политики с учетом колоссальных сдвигов, которые произошли во второй половине прошлого десятилетия и происходят в начале нынешнего. Этот перезапуск нужен, чтобы практически реализовать позитивную трансформирующую роль ПИИ в условиях новой экономической реальности [Ibid., p. 9].

В настоящее время речь идет о переходе к новой реальности, связанной с реструктуризацией экономической деятельности для соответствия требованиям программы ООН по Целям устойчивого развития (17 взаимосвязанных целей), ориентирам, заданным Парижским климатическим соглашением (2015), а также новым задачам по борьбе с бедностью, обусловленным кризисными шоками пандемии COVID-19 [Evenett, Fritz, 2021, p. 9–10]. Вместе с тем требуют комплексного учета и нарастающие тренды протекционизма и «технонационализма», направленные прежде всего против инвестиционной и в целом экономической экспансии КНР. В частности, за период с 2006 г. около 300 крупных проектов китайских ПЗИ на сумму около 400 млрд долл. столкнулись с серьезными трудностями в реализации уже на финальных стадиях. И если в период 2000–2014 гг. таких проблемных ситуаций было всего 86 в

47 странах мира (прежде всего в Австралии и США), то в период 2015–2020 гг., особенно с началом американо-китайской торговой войны, их количество возросло до 174 в 64 странах, при этом в 7 государствах (Австралии, Канаде, Германии, Израиле, Тайване, Великобритании и США) проблемы возникли в отношении не менее шести сделок в каждой стране [Scissors, 2020].

Помимо прочего, нельзя забывать и о последствиях разрушения старых и укорачивания (регионализации) новых глобальных цепочек стоимости (ГЦС) с приоритетным акцентом на репатриацию ранее размещенного производства из КНР. В этом процессе наиболее активна Япония, за ней следуют Корея и Тайвань. В частности, после того как в 2019 г. Китай пригрозил ввести запрет на экспорт редкоземельных элементов, японское правительство выделило более 513 млн долл. на финансирование 160 проектов альтернативных поставок, в июне 2020 г. отобрало и профинансировало еще 57 проектов, в среднем по 10 млн долл. каждый, направленных на перенос производства из Китая в Японию, а в ноябре 2020 г. – еще 146 проектов по 15 млн долл. каждый [Solís, 2021].

Разумеется, эффективное реагирование на подобные вызовы времени требует наличия надежной научно-методологической основы, способной выйти за пределы поверхностного функционального анализа особенностей динамических потоков ПИИ/ПЗИ и учитывать более фундаментальные, структурные и институциональные уровни понимания инвестиционного воздействия на динамику экономического со-развития БРИКС как в целом, так и по каждой из стран-участниц в отдельности.

Теоретико-модельная основа исследования

Теоретические модели ПИИ/ПЗИ обычно рассматриваются в рамках предметной области международного бизнеса (МБ) и фокусируются на инвестиционном поведении ТНК (обзорный анализ см., напр.: [Seniuk, De Groot, 2019]). Чуть ли не единственным исключением является модель конкурентных преимуществ наций М. Портера [Porter, 1990], обобщенная его последователями (см., напр.: [Moon, Rugman, Verbeke, 1998]) и соединяющая макро-

и микроанализ в едином подходе. В этом случае уровень развития национальной экономики выступает в качестве макродетерминанта для микроуровня фирмы. В рамках настоящего исследования нас интересует обратная задача – описание влияния ПИИ на макроэкономическую динамику развития как отдельной страны, так и всех стран группы БРИКС. Между тем создать такую единую модель ПИИ/ПЗИ, способную учесть многоуровневую структуру международной экономики, пока не удалось [Кузнецов, 2007, с. 32; Сенюк, 2012, с. 18–19]. Тем более не получилось построить фундаментальную научную теорию [Li, 2008, p. 15]. В то же время в последние десятилетия появился ряд работ по теоретико-эмпирическому исследованию влияния ПИИ на отдельные социально-экономические характеристики типа экономической эффективности, производительности или даже динамики экономического роста (см., напр.: [The impact of foreign..., 2021]). Однако полученные результаты были весьма противоречивы [Baiashvili, Gattini, 2020, p. 1–2]. В частности, одни авторы (см., напр.: [Li, Liu, 2005]) демонстрировали наличие сильного позитивного влияния, другие [Carkovic, Levine, 2005] указывали на слабый производимый эффект, а то и вовсе на его отсутствие, не говоря уже о том, что при этом, как правило, не учитывали принципиального различия между экономическим ростом и экономическим развитием [Li, 2008, p. 39].

Такая ситуация побуждает исследователей более тщательно анализировать исходные теоретико-модельные предпосылки подобных подходов, начиная с неоклассических моделей экзогенного роста, где в качестве ведущих факторов рассматривались вложения труда и капитала [Solow, 1956; Sala-i-Martin, 1996]. Однако именно такие упрощенные двухфакторные модели, где ПИИ выступали источником прироста капитала [Swan, 1956], чаще всего и приводили к противоречивым результатам. Более согласованную картину удалось получить за счет расширения количества учитываемых факторов, включая и внутренние, эндогенные, связанные с трансфером инновационных технологий и диффузией новых знаний, как было сделано в работах П. Ромера [Romer, 1986].

Но вскоре стало понятно, что ключевым фактором экономического развития становятся не столько сами по себе *инновационные*

объекты (новые технологии), а скорее *инновационные субъекты*, что обусловило перенос внимания в сторону четвертого фактора – человеческого [Li, Liu, 2005]. Именно воздействие этого фактора объясняло, почему продемонстрированные странами БРИКС в период 2003–2014 гг. темпы экономического роста практически вдвое превысили прогнозные оценки О’Нила 2003 г. Попытка учесть все факторы в рамках иного подхода, использующего прирост человеческого ресурса, физического капитала и совокупной факторной производительности в качестве «трех базисных опор», позволила получить более дифференцированную картину страновой экономической динамики внутри группы БРИКС. В частности, удалось показать, за счет чего темпы роста Китая вдвое превосходили прогнозные, у Бразилии оказались меньше прогнозных, в то время как динамика Индии почти совпадала с прогнозной, а Россия после 2009 г. продемонстрировала значительно более низкие показатели [Ibid.]. Наряду с этим существовали и пессимистические оценки перспектив эмерджентного роста БРИКС. В частности, Н. Рубини, обративший на себя внимание заблаговременным предсказанием глобального финансового кризиса 2007–2009 гг., считал, что обеспечить долговременный опережающий рост на основе подобных «трех опор» вряд ли возможно и для этого придется использовать либо экстенсивный подход (за счет расширения состава группы), либо интенсивный, предполагающий инновационную реструктуризацию основного капитала [Roubini, 2013].

Интенсивный подход, учитывающий особенности научно-технологического и инновационного потенциала стран – участниц БРИКС, с введением четвертого фактора, гуманитарного капитала, а также с учетом многослойного характера воздействия внешней среды, включая ее геоэкономические, геополитические и даже геоцивилизационные аспекты, привел к созданию в России восьмифакторной модели БРИКС [БРИКС..., 2014]. Эта модель отделяет инвестиции в физический капитал, обуславливающие прирост материальных активов, от вложений в образование и инновационную инфраструктуру, ведущих к росту нематериальных активов. В итоге в рамках классической конвергентной логики были построены соответствующие профили и даны прогнозные оценки

динамики роста по каждой из стран во временном горизонте до 2050 г. в сравнении с аналогичной динамикой США. Анализ показал, что вследствие инвестиционного насыщения факторов на рубеже 2030-х годов американская экономика достигнет предельной концентрации физического капитала на уровне 30–32 трлн долл., в то время как китайская будет продолжать инвестиционный рост до более высокого порога насыщения – около 80 трлн долл. При этом в силу «закона убывающей отдачи» [Фишер, Дорнбуш, Шмалензи, 1977, с. 772] США будут демонстрировать значительно более низкие темпы роста, чем Китай, что скорее всего приведет к перемещению конкурентной борьбы в сферу гуманитарного капитала и к соответствующей реструктуризации потоков ПИИ/ПЗИ. Как следствие, китайская экономика значительно опередит американскую, которой придется конкурировать с индийской за второе место в тройке глобальных лидеров [БРИКС..., 2014, с. 22, 30].

Несмотря на упрощенный характер такой модели, использующей идеальные классические представления о конвергентности глобальной экономики и линейной конструкции гуманитарного капитала, прямо зависящего от демографической динамики и прироста количества человеко-лет, потраченных на образование, ее широкозахватный восьмифакторный характер позволил в едином подходе описать широкий круг эмпирических фактов и трендов и определить стратегические приоритеты со-развития стран БРИКС.

Вместе с тем следует отметить, что при всей уникальности природно-ресурсного потенциала стран – участниц БРИКС и важности создания совместной международной инфраструктуры – как транспортно-логистической типа «Одного пояса и одного пути» (ОПОП), так и инновационной, – все же ключевая роль в со-развитии всей группы принадлежит демографическому и инновационному факторам, а также качеству гуманитарного капитала. Именно эти приоритеты, представленные во всех программных документах, как совместно принятых БРИКС, так и утвержденных на национальных уровнях, присущи всем институциональным механизмам коммуникации, кооперации и координации на каж-

дом из уровней многостороннего взаимодействия группы [Shashnov, Kotsemir, Grebenyuk, 2018, p. 38–42]. В частности, к главным стратегическим целям Бразилии относятся защита и восстановление окружающей среды, а также инновационно ориентированная реформа системы занятости, оплаты труда и пенсионного обеспечения; России – демография, здоровье и образование населения; Индии – геополитическое позиционирование, образование и энергетическая безопасность; Китая – инновации, координация и «открытость открытым»; ЮАР – здоровье и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения, образование и экономический рост, базирующийся на разнообразии форм собственности [Perskaya, 2019, p. 210].

При этом реальная картина современных экономических процессов, разворачивающихся в условиях многослойной и неоднородной среды, как функциональной, так и структурной и институциональной, потребовала для своего адекватного описания введения пятого фактора – институционального капитала. В результате в Китае была разработана эмпирическая модель институционально-управляемого экономического развития [Li, 2008, p. 129–134]. В ее рамках удалось учесть существенное различие между развитием, требующим инновационной реструктуризации основного капитала, и ростом, обеспечиваемым его модернизацией и оптимизацией режима использования за счет обновления корпоративного менеджмента. Между тем как в случае инноватизации, так и в случае модернизации требуется привлечение соответствующих инвестиций, в том числе ПИИ. При этом в фокусе внимания оказывается структура основного капитала, которая предопределяет пределы его функциональности и инвестиционную политику, позволяющую воздействовать на количественные и качественные характеристики национального богатства страны.

Только в 2020 г. впервые появилась обстоятельная работа, в которой на эмпирическом материале было проанализировано 111 развитых и развивающихся экономик за период 1980–2014 гг. и рассмотрен вопрос об эффективности воздействия ПИИ на динамику экономического роста, дифференцированную в зависимости от уровня среднедушевых доходов [Baiaashvili, Gattini, 2020]. Как

оказалось, эта зависимость имеет не совсем линейный характер и напоминает скорее перевернутую U-образную кривую [Ibid., p. 18], что отчасти объясняет неоднозначность и противоречивость ранее полученных результатов. Стоит добавить, что учет неоднородности распределения национального богатства по уровню и эффективности инвестиционного взаимодействия до сих пор был обозначен только на уровне идеи [Taronaviciene, Kalasinskaite, 2010], да и то лишь на эмпирическом примере экономики Литвы.

Все это усиливает общее впечатление о недостаточной адекватности существующего теоретико-методологического инструментария инновационным вызовам новой экономической реальности, характеризующейся, в числе прочего, усилением протекционизма и «технонационализма», вводом торгово-тарифных ограничений и политически мотивированных санкций, вплоть до развязывания торговых войн типа американо-китайской, направленной против Китая и других участников БРИКС.

Такое положение дел оказывает разрушительное воздействие как на глобальные потоки ПИИ, так и на национальный экспорт капитала, в том числе китайского, усиливает неопределенность перспектив мировой экономической динамики и устойчивости глобального развития. Более того, появились работы, описывающие более глубокие причины подобных процессов, скрывающиеся за их внешней геополитической рамкой (см., напр.: [Petricevic, Teese, 2019]). В числе прочего указывается, что все это – лишь частные проявления фундаментальных черт новой экономической реальности, неотъемлемыми характеристиками которой являются нестабильность (*V* – volatility), неопределенность (*U* – uncertainty), нарастающая сложность (*C* – complexity) и неоднозначность (*A* – ambiguity) – вместе VUCA. В свою очередь, это означает, что управление экономическими и инвестиционными процессами в текущих условиях имеет явно выраженный кризисный характер. Как следствие, описание инвестиционной деятельности в VUCA-условиях потребует пересмотра самих концептуальных основ инвестиционных теорий.

Вызванный пандемией COVID-19 макроэкономический кризис и неопределенность перспектив его преодоления лишь увеличи-

чили остроту проблемы, спровоцировав серьезные публичные дебаты сущностного характера. В частности, П. Бакли, соглашаясь с необходимостью пересмотра границ применимости существующего теоретико-модельного инструментария ПИИ/ПЗИ в условиях новой экономической реальности, в то же время настаивает, что созданная им и его соавторами теория интернализации (ТИ) по-прежнему остается наилучшей основой для подобной модернизации [Buckley, 2020, p. 1580].

Подобная теоретическая неопределенность подводит нас к выводу, что для целей данного исследования разумнее положиться на применяемую ЮНКТАД выверенную методологию анализа эмпирических данных с использованием макроэкономических детерминант и политико-институциональных драйверов. Именно они во многом предопределяют как глубину позитивного влияния ПИИ/ПЗИ на экономическую динамику и со-развитие стран БРИКС, так и направленность и приоритеты национальной и совместной инвестиционной политики группы. Несомненно, что в качестве базового детерминанта выступает основной капитал как ядро национального богатства страны. Именно поэтому в рамках данного исследования основное внимание уделено трансформирующему воздействию потоков ПИИ на прирост и реструктуризацию основного капитала.

Динамика инвестиционных потоков стран БРИКС в 2006–2020 гг.

Беспрецедентный по своей глубине и неопределенности последствий макроэкономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, заставил исследователей попытаться как можно раньше и точнее определить возможные последствия его воздействия на экономическое развитие в целом и на инвестиционные потоки в частности. Особенно важно это сделать по отношению к развивающимся экономикам в силу большей представленности в их структуре наиболее уязвимых для пандемии первичных (а не высокотехнологичных) секторов. Как следствие, развивающиеся страны столкнулись с необходимостью адекватной реструктуризации как минимум трех компонент: рынка занятости, новой секторальной архитектуры концентрации физического (не финансо-

вого) капитала и технологической инноватизации производственного потенциала с целью увеличения совокупной факторной производительности (*англ.* total factor productivity, TFP). Разумеется, основным средством такой реструктуризации становятся инвестиции, в том числе ПМИ, осуществляющие трансфер технологий от более развитых экономик к развивающимся. Именно с этой целью в прошлом десятилетии страны БРИКС уделяли особое внимание привлечению таких ПМИ и укреплению межстрановых инвестиционных связей с особым упором на приоритетное развитие инновационной и инвестиционной кооперации между микро-, малыми и средними предприятиями (ММСП) как наиболее высокотехнологично ориентированными. Это четко отражено в Стратегии экономического партнерства стран БРИКС до 2025 г. [Стратегия..., 2020], Московской декларации XII саммита БРИКС [Московская декларация..., 2020], акцентирующей внимание на увеличении взаимных инвестиций в развитие информационно-коммуникационной и энергетической инфраструктуры, а также в Нью-Делийской декларации XIII саммита БРИКС [Саммит БРИКС..., 2021]. При этом особого внимания заслуживает принципиально важный акцент на усилиях по интеграции ММСП БРИКС в совместные глобальные цепочки стоимости (ГЦС) [Ibid.].

Реализация подобных приоритетов предполагает соответствующую трансформацию инвестиционной политики и введение управления потоками ПМИ в интересах технологической модернизации и инноватизации основного капитала, предопределяющего достижимые уровни ВВП и возможности национального экономического роста. Поэтому анализ исторической динамики основного капитала формирует эмпирический фундамент данного исследования. Результаты сравнения с аналогичной динамикой в мире в целом и США в частности представлены в табл. 1.

Сравнительный анализ мировой динамики роста благосостояния стран БРИКС в 2006–2020 гг.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Мир	\$	207 839	233 630	217 565	233 798	253 015	261 809	277 204	295 287	298 439	297 938	312 728	358 469	360 137	389 628	418 342
	%	13,5	12,4	-6,9	7,5	8,2	3,5	5,9	6,5	1,1	-0,8	5	14,6	0,5	8,2	7,4
Бразилия	\$	1 459	1 938	1 758	2 610	3 534	3 428	3 396	3 343	3 111	2 510	3 050	3 760	3 479	3 640	2 801
	%	28,6	32,8	-10,2	48,5	35,4	-3,1	-0,9	-1,6	-6,9	-19,3	21,5	23,3	-8,1	4,6	-3,0
Россия	\$	1 256	1 712	1 791	1 633	2 161	2 609	3 013	3 208	2 490	1 793	2 085	3 036	2 273	3 374	3 038
	%	45,2	36,3	4,6	-9,7	32,3	20,7	15,5	6,5	-22,4	-28	16,3	46	-33,6	48,4	-11,1
Индия	\$	3 833	4 989	4 663	5 645	6 810	6 607	7 353	7 541	8 283	8 948	9 886	11 769	12 330	13 427	12 833
	%	17,4	30	-6,9	21,6	20,6	-3,1	11,3	2,6	9,8	8	10,5	19	4,8	8,9	-4,6
Китай	\$	10 394	14 010	17 723	19 986	24 493	30 920	35	40 826	44 887	46 535	52 118	62 573	66 281	70 638	74 884
	%	22	34,8	26,5	12,8	27,6	21,3	11,9	18	9,9	3,7	12	12,2	5,9	6,6	6
ЮАР	\$	648	738	514	733	897	751	821	766	766	598	712	880	739	798	763
	%	10	13,9	-43,6	42,6	22,4	-19,4	9,3	-7,2	0	-19,8	19,1	23,6	-19,1	8	-4,6
БРИКС Рост	\$	17 590	23 383	26 449	30 607	38 895	44 315	49 194	55 684	59 537	60 384	67 851	82 018	85 102	91 887	94 319
	%	22,4	32,9	13,1	15,7	27,1	13,9	11	13,2	6,9	1,4	12,4	20,9	3,8	8	2,6
США	\$	8,46	10	12,15	13,09	15,37	16,93	17,75	18,86	19,95	20,27	21,7	22,88	23,63	23,58	22,55
	%	66,921	68 259	59 448	61 192	64 683	65 810	70 381	79 252	85 134	87 987	93 124	101 849	102 408	114 932	126 340
БРИКС/США	%	26,3	34,2	44,5	50	60,1	67,3	69,9	70,3	69,9	68,6	72,9	80,5	83,1	79,9	74,6

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Как следует из табл. 1, начиная с 2006 г. и вплоть до 2018 г. темпы роста национального богатства стран БРИКС были выше американских и среднемировых, благодаря чему их совокупная относительная доля в глобальных активах увеличилась с 8,46% в 2006 г. до 23,64% в 2018 г. и лишь слегка снизилась до 22,55% в пандемийном 2020 г. под воздействием мощных потоков финансовой антикризисной помощи (прежде всего в США). Тем не менее по сравнению с темпами роста США, страны БРИКС увеличили свою совокупную относительную долю почти в 3 раза – с 26,3% в 2006 г. (т.е. с уровня чуть больше четверти от уровня США) до 79,9% в 2019 г. (со снижением до 74,6% по итогам 2020 г.). При этом китайская экономика демонстрирует самую высокую динамику, последовательно опережающую динамику экономики США за все годы, за исключением последних двух лет, когда в силу мощной антипандемийной финансовой накачки темпы роста богатства Соединенных Штатов превзошли темпы роста национального богатства КНР (12,2 против 6,6% в 2019 г. и 9,9 против 6,9% в 2020 г. соответственно).

Более отчетливо причины такого опережения видны из данных, приведенных в табл. 2 и 3, показывающих ту же динамику,

**Прямые международные инвестиции
как средство экономического
со-развития стран БРИКС в условиях
пандемии COVID-19**

что и табл. 1, однако отдельно для каждой из компонент национального богатства как в части финансовых, так и нефинансовых активов.

Таблица 2

Сравнительный анализ мировой динамики роста финансовых и нефинансовых активов стран БРИКС в 2006–2020 гг.

Страна	Млрд.	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Бразилия	ФА	636,1	897,3	682,1	1372,9	1710,5	1683,1	1745,5	1634,7	1459,1	1270,1	1360,3	1872,5	1732,5	1816,4	1400,2
	нФА	822,9	1040,7	1075,9	1237,1	1823,5	1744,8	1650,4	1708,3	1651,9	1239,9	1689,7	1887,5	1746,5	1823,6	1400,8
Россия	ФА	435,8	558,1	519,4	607,5	713,1	814	955,1	1016,9	702,2	627,6	813,5	959,4	750,1	1133,7	1136,2
	нФА	820,2	1123,9	1271,6	1025,5	1447,9	1795	2048,8	1870,3	1787,8	1165,4	1271,8	2076,6	1522,9	2240,3	1901,8
Индия	ФА	942,9	1131,3	1147,1	1183	1648	1420,5	1573,5	1666,6	1780,8	1932,8	2076,1	2459,7	2651	2873,4	2990,1
	нФА	2890,1	3753,7	3515,9	4262	5162	5186,5	5779,5	5874,4	6502,2	7015,2	7809,9	9309,3	9679	10553,6	9842,9
Китай	ФА	3928,9	5365,8	7000,6	8074,3	10426,6	12615,4	14086,7	17065,3	19211,6	20196,2	24287	26092,9	27838	30233,1	33081
	нФА	6465,1	8644,2	10722,4	11911,7	15066,4	18304,6	20524,3	23760,7	25675,4	26338,8	27831	36480,1	38443	40404,9	41803
ЮАР	ФА	406,9	459,8	307,4	448,6	565,1	491,9	535,3	507,1	506,3	391,7	465,6	586,1	478,9	529,9	491,4
	нФА	241,1	278,2	206,6	284,4	331,9	259,1	285,7	259,9	259,7	206,3	246,4	293,2	260,1	268,1	216,6
БРИКС	ФА	6350,6	8512,3	9656,6	11886,3	15963,3	17024,9	18896,1	21890,6	23660	24418,4	29002,5	31970,6	33450,5	36586,5	39089,8
	нФА	11240,4	14870,7	16792,4	18720,7	23831,2	27290	30288,7	33472,6	35877	35965,6	38848,8	50046,7	51651,5	55290,5	55220,1
БРИКС, % от Мира	ФА	36,1	36,4	36,5	38,8	38,7	38,4	38,4	39,3	39,7	40,4	42,7	39	39,3	39,8	41,4
	нФА	63,9	63,6	63,5	61,2	61,3	61,6	61,6	60,7	60,3	59,6	47,3	61	60,7	60,2	58,6

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

В табл. 2 представлены абсолютные значения финансовых и нефинансовых активов по каждой из стран БРИКС и по их совокупности, при этом показано, как со временем увеличивается относительная доля их финансовых активов на фоне соответствующего уменьшения нефинансовой составляющей.

Таблица 3

Анализ динамики изменений в структуре активов между КНР и БРИКС в сравнении с США в 2006–2020 гг.

Страна	Млрд.	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Китай	Финансовые активы	S	3928,9	5365,8	8000,6	8074,3	10426,6	12615,4	14086,7	17065,3	19211,6	20196,2	24287	26092,9	27838	30233,1	33081
		Дош	37,2	38,3	39,5	40,4	40,9	40,8	40,7	41,8	42,8	43,4	46,6	41,7	42	42,8	44,2
		Рост	23,2	36,6	30,5	15,3	29,1	20,7	21,1	12,6	5,1	26,2	46,3	34,8	6,7	4,7	4,8
	Нефинансовые активы	S	6465,1	8644,2	10722,4	11911,7	15066,4	18304,6	20524,3	23760,7	25675,4	26338,8	27831	36480,1	38443	40404,9	41803
		Дош	62,2	61,7	60,5	59,6	59,1	59,2	59,3	58,2	57,2	56,6	53,4	58,3	58	57,2	55,8
		Рост	21,2	33,3	24	11,1	26,5	21,5	12,1	15,8	8	2,6	5,7	31,1	5,4	5,1	3,6
США	Финансовые активы	S	4309,7	4525,7	3885,2	41579,4	45342,8	46856,7	51210,8	57774,7	62233	63526,6	66956,2	73738,7	72812,1	87693,1	92480,9
		Дош	64,4	66,3	65,3	67,9	70,1	71,2	72,3	72,9	73,1	72,2	71,9	72,4	71,1	76,3	73,2
		Рост	9,2	8	-16,5	7	9	3,3	9,3	12,8	7,7	2,1	5,4	10,1	-1,3	20,4	5,4
	Нефинансовые активы	S	23823,9	23093,3	20645,8	19612,6	19340,2	18953,3	19620,2	21477,3	22901	24460,4	26167,8	28110,3	29955,9	27238,9	33859,1
		Дош	35,6	33,7	34,7	32,1	29,9	28,8	27,7	27,1	26,9	27,8	28,1	27,6	28,9	23,7	26,8
		Рост	2,7	-3,6	-11,4	-5,3	-1,4	-2	3,5	9,5	6,6	0,8	7	7,4	5,3	-8,6	24,3
Китай/США	ФА	9,07	11,8	18	19,4	23	26,9	27,5	29,5	30,9	31,8	36,3	35,4	38,2	34,5	35,8	
	нФА	27,1	37,6	51,9	60,7	77,9	96,6	104,6	110,6	112,1	107,7	106,4	129,8	129,9	148,3	123,5	
БРИКС/США	ФА	14,7	18,8	24,8	28,6	33,2	36,3	36,9	37,9	38	38,4	43,3	43,4	45,9	41,7	42,3	
	нФА	47,2	64,6	81,3	89,1	123,2	144	154,4	155,8	156,7	147	148,5	178	174,5	203	163,1	

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Табл. 3 демонстрирует историческую динамику БРИКС и Китая в сравнении с США. Как видно из приведенных

данных, в структуре китайского капитала превалирует вклад нефинансовых активов, хотя и неуклонно снижающийся – с 62,2% в 2006 г. до 55,8% в 2020 г., в то время как американский капитал демонстрирует прямо противоположную тенденцию – за этот период доля финансовых активов США увеличилась с 64,4 до 73,2% соответственно. При этом в терминах физического капитала страны БРИКС уже в 2010 г. превзошли США (показатель в 123,2%), а Китай опередил Соединенные Штаты уже в 2013 г. (104,6%).

Данные табл. 2 и 3 показывают, что схема увеличения совокупного богатства США основана на монетаристской накачке его спекулятивной компоненты в кризисные годы, поскольку львиная доля огромных средств антикризисной помощи в конечном итоге приводит к наращиванию активов американских финансовых корпораций.

Таблица 4

Анализ динамики общего объема ПИИ в структуре совокупного благосостояния и нефинансовых активов стран БРИКС в сравнении с мировыми трендами в 2006–2020 гг.

Страна	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Мир	ПИИ	14 200,4	18 094,0	15 074,9	17 783,1	19 898,9	20 612,3	22 971,0	24 971,8	26 228,8	26 523,7	28 466,2	33 162,2	32 784,1	36 377,4	41 354,2
	Благосостояние	207 839	233 630	217 562	233 798	253 015	261 809	277 204	295 287	298 439	297 938	312 728	358 469	360 137	389 626	418 342
	Доля ПИИ	6,83	7,74	6,90	7,61	7,86	7,87	8,29	8,46	8,79	8,90	9,10	9,25	9,10	9,34	9,88
	нФА	102 257	116 581	111 175	116 198	124 989	128 810	134 444	141 147	140 863	140 031	147 608	170 631	173 586	183 514	192 437
	Доля ПИИ	13,89	15,52	13,56	15,30	15,92	16,00	17,08	17,69	18,62	18,94	19,28	19,43	18,89	19,82	21,49
БРИКС	ПИИ	947,3	1 345,5	1 060,3	1 516,7	2 076,6	2 134,7	2 322,8	2 433,7	2 367,9	2 321,9	2 764,8	3 087,7	3 129,9	3 539,8	3 590,5
	Благосостояние	17 590	23 383	26 449	30 607	38 895	44 315	49 194	55 684	59 537	60 384	67 851	82 018	85 102	91 887	94 319
	Доля ПИИ	5,38	5,75	4,01	4,96	5,34	4,82	4,72	4,37	3,98	3,84	4,07	3,76	3,68	3,85	3,81
	нФА	11 240	14 871	16 792	17 484	23 838	27 290	30 289	33 473	35 877	35 966	38 849	50 047	51 652	55 290	55 220
	Доля ПИИ	8,43	9,05	6,31	8,67	8,71	7,82	7,67	7,27	6,60	6,46	7,12	6,17	6,23	6,40	6,50

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

В табл. 4 представлены результаты сравнительного анализа усредненной доли накопленных ПИИ в совокупной структуре мирового богатства и его нефинансовой составляющей, отвечающей за реальное производство как в глобальном разрезе, так и в рамках БРИКС.

Получившаяся картина весьма дифференцирована – и количественно, и качественно. С количественной точки зрения, несмотря на опережающие темпы наращивания странами БРИКС как совокупного национального богатства (в 5,4 раза по сравнению

с двукратным увеличением мирового), так и его физической компоненты (в 4,9 раза против 1,9), в целом относительная доля накопленных ими инвестиций не только не увеличилась, но даже уменьшилась. В частности, доля накопленных в общем мировом богатстве ПИИ возросла с 6,83% в 2006 г. до 9,88% в 2020 г. (и при этом с 13,89 до 21,49% в нефинансовых активах), в то время как в БРИКС она уменьшилась с 5,38% в 2006 г. до 3,81% в 2020 г. (и с 8,43 до 6,50% в нефинансовых активах соответственно). С качественной точки зрения на фоне общего недоинвестирования стран БРИКС по сравнению со среднемировыми трендами обращает на себя внимание опережающий рост финансовых активов, увеличившихся в 5,4 раза против 4,9 в случае нефинансовых активов.

В целом историческая динамика прироста глобальных активов выглядит более сглаженной и монотонной (не считая небольшого снижения 2008 и 2018 гг.), в то время как динамика прироста активов стран БРИКС демонстрирует заметные флуктуации, отражающие как более сложную природу их взаимодействия, так и более противоречивый характер экономических и политических препятствий, создаваемых развитыми государствами для подобного сотрудничества.

Историческая динамика участия стран БРИКС в глобальных потоках международного капитала за период 2009–2020 гг. приведена в табл. 5.

Данные, представленные в табл. 5, показывают, что, несмотря на заметные колебания доли стран БРИКС в глобальных потоках ПИИ, роль группы неуклонно возрастает, о чем свидетельствует динамика увеличения их доли в накопленных в мире прямых зарубежных инвестициях. Если в 2009 г. совокупная доля ПИИ в странах БРИКС была практически вдвое меньше накоплений ПИИ (4,38 против 8,51%), то к 2020 г. суммарные зарубежные вложения превзошли накопленные ПИИ (8,79 против 8,68%). Именно это является одной из главных причин политики стратегического сдерживания, которую развитые экономики проводят в отношении инвестиционного развития стран БРИКС, особенно в сфере высоких технологий. И даже в течение последних двух лет, когда общий приток инвестиций в БРИКС уменьшился на 13,7% в 2020 г.

(с 305 млрд долл. в 2019 г. до 263 млрд долл. в 2020 г.), их относительная доля тем не менее увеличилась с 19,7 до 25,9% соответственно [World investment..., 2021, p. 6].

Таблица 5

**Доля стран БРИКС в глобальных потоках ПИИ, 2009–2020 гг.
(%)**

Год	Входящие ПИИ	Исходящие ПИИ	Входящие ПИИ накопленные	Исходящие ПИИ накопленные
2009	15,44	8,30	8,51	4,38
2010	18,27	10,59	10,42	4,80
2011	18,49	9,01	10,34	5,29
2012	17,54	9,14	10,11	5,69
2013	18,74	13,11	9,75	5,95
2014	18,65	14,89	9,04	6,47
2015	11,91	10,21	8,74	7,02
2016	13,68	14,69	9,70	7,91
2017	15,92	14,37	9,30	8,69
2018	17,32	18,05	9,50	9,36
2019	19,49	12,97	9,47	8,96
2020	25,21	16,63	8,68	8,79

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Столь сложный, противоречивый и неоднозначный характер инвестиционного взаимодействия БРИКС с глобальными потоками ПМИ в условиях нарастания VUCA-вызовов объективно побуждает участников группы к углублению интеграции и интенсификации строительства совместной инфраструктуры многостороннего экономического и инновационно-инвестиционного сотрудничества, а также поддерживающих механизмов создания совместных глобальных цепочек стоимости в наиболее перспективных для этого секторах в интересах устойчивого со-развития стран-участниц.

***

Прямые международные инвестиции имеют важное трансформационное значение для глобальной конкурентоспособности быстрорастущих экономик, включая экономики стран БРИКС. Экономическую основу такой трансформации создает соответствующая реструктуризация основного капитала стран – участниц группы, обуславливающая опережающий рост ВВП, а вместе с тем и национального богатства. Благодаря его опережающему росту группа БРИКС стала наиболее устойчивым источником глобального экономического развития планеты. За 15 лет поэтапной интеграции в странах БРИКС сформировалось довольно полное представление о работоспособных механизмах многостороннего инвестиционного сотрудничества на всех уровнях, начиная с уровня ММСП. Вместе с тем были созданы и успешно функционируют совместные и национальные институты развития – как STI-ориентированные, так и финансово-банковские и инвестиционные, формирующие институциональную инфраструктуру многостороннего сотрудничества. Обладая огромным и далеким от инвестиционного насыщения потенциалом международного производства и со-развития, страны БРИКС в разной степени заинтересованы в привлечении глобальных технологически ориентированных ПИИ. Однако, отталкиваясь от изначальной ориентированности на развитие реального производства, страны – участницы БРИКС поневоле оказываются вовлеченными в существующий мирохозяйственный порядок с доминированием монетаристских методов управления экономическими системами и процессами. Как следствие национальные экономики БРИКС неизбежно ощущают на себе кризисные инфляционные удары, порождаемые развитыми экономиками.

В результате таких инфляционных кризисов инвестиционные усилия БРИКС по приоритетному развитию реальной экономики своих стран частично нивелируются из-за размывания относительной стоимости нефинансовых активов за счет искусственной, политически мотивированной накачки финансово-спекулятивной компоненты. Это ставит экономики стран БРИКС в достаточно зависимое положение, обуславливая их заинтересованность в трансформации существующего мирового порядка и побуждая к

созданию многосторонних механизмов для совместной защиты развития своих национальных экономик.

Кроме того, в последнее время страны – участницы БРИКС осознали необходимость совместного противодействия протекционистской инвестиционной политике развитых экономик, особенно в технологической сфере. Самым ярким и очевидным примером такой политики стала развязанная в 2017–2018 гг. по инициативе администрации США американо-китайская торговая война, сопровождавшаяся наложением экономических санкций на целый ряд китайских компаний, особенно показательных в случае с «Huawei». Более того, уже после избрания президентом США Джо Байдена его администрация инициировала фактическое «возрождение из небытия» группы QUAD, образованной совместными усилиями США, Австралии, Индии и Японии [Портякова, 2021]; деятельность QUAD направлена на сдерживание экономического и технологического развития КНР и на отдаление Индии от группы БРИКС. Эти же цели преследует и создание Индо-Тихоокеанского блока AUKUS, объединяющего военно-технические потенциалы Австралии, Великобритании и США [Приймак, Самохин, 2021; Новый альянс..., 2021]. Как следствие Китай был вынужден реструктуризировать свою экономику, переведя ее в режим «двойной циркуляции» [Yifu, Wang, 2021], в котором, в отличие от прежней глобальной экспортно ориентированной модели, теперь приоритетное внимание уделяется регионализации и кластеризации при инновационно ориентированном развитии внутреннего рынка и поддерживающей роли внешней циркуляции потоков ПИИ/ПЗИ.

Такая модель фактически создает ориентир для возможной трансформации инвестиционной политики БРИКС в интересах инновационно-индустриального со-развития в рамках двухконтурного подхода, где во внешнем контуре циркулируют глобальные потоки международного капитала и происходит их независимое инвестиционное взаимодействие на уровне отдельных мультинациональных корпораций (МНК) стран-участниц, в то время как во внутреннем контуре функционируют совместные глобальные цепочки стоимости (ГЦС) с широким вовлечением

микро-, малых и средних предприятий (ММСП), связанные воедино циркуляцией взаимных потоков ПИИ/ПЗИ стран БРИКС. Разумеется, реализация подобного подхода потребует совместной политической воли и создания соответствующих механизмов многостороннего инновационно-инвестиционного взаимодействия, а также определения приоритетных трендов в новой постпандемийной экономической реальности.

Общая стратегическая направленность глобального сдвига приоритетов и сопутствующей ему структурной и институциональной трансформации уже просматривается: от фирмоцентричной и отраслеоориентированной организации экономики индустриального или индустриально-инновационного типа к человекоцентричной и здоровьеориентированной локальной инновационной экосистеме, развивающейся на новой основе межсекторального государственно-частного партнерства с использованием институциональных инноваций. Подобный сдвиг уже сейчас порождает новых технологических лидеров и новые сервисы, меняющие саму институциональную архитектуру новой экономической реальности. И хотя контуры этой реальности только начинают проступать, структура финансирования научно-технологических разработок ведущих инновационных компаний из списка ТОП-100 позволяет с высокой степенью уверенности определить наиболее технологически значимые направления развития, которые в ближайшем будущем станут самыми привлекательными как для глобальных, так и для внутренних потоков ПИИ/ПЗИ. То же самое можно сказать и о новых формах инвестиционной деятельности, далеко выходящих за пределы традиционного дуального взаимодействия инвестора и реципиента: в ближайшее время исследователям наверняка потребуются новые, адекватные инструменты для теоретического описания и моделирования некорпоративных форм инвестиционной деятельности (*англ.* non-equity modes), инвестиций в снабженческие, дистрибьюторские и кластерные цепочки и сети и проч. Но это – темы дальнейших исследований.

В целом же настоящий анализ подтверждает значительную стабилизирующую роль группы БРИКС как важнейшего источни-

ка устойчивости глобальной экономической динамики – даже в условиях VUCA-вызовов и пандемийной переконфигурации и регионализации глобальных цепочек стоимости. Однако подобная переконфигурация требует дополнительных инвестиций, в то время как существующий объем инвестиций недостаточен даже для компенсации эксплуатационного выбывания основного капитала вследствие амортизации. Решением может стать эффективное взаимное инвестирование стран БРИКС, проводящееся дифференцированно и целенаправленно для создания совместных глобальных цепочек стоимости в приоритетных направлениях и секторах. Как следствие это потребует более углубленного анализа инновационно-инвестиционных возможностей и потребностей каждой из стран-участниц, но эта задача выходит за рамки настоящей работы.

Литература

БРИКС 2014 : перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. – Москва, 2014. – 392 с.

Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики : инвестиционный аспект. – Москва : Комкнига, 2007. – 288 с.

Московская декларация XII саммита БРИКС // Президент России. – Москва, 2020. – 17.11. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 22.12.2021).

Новый альянс AUKUS : в мире появилась «Индо-Тихоокеанская НАТО»? // Deutsche Welle. – Берлин, 2021. – 30.09. – URL: <https://www.dw.com/ru/novuj-aljans-aukus-borba-kitaja-i-ssha/a-59353868> (дата обращения: 22.12.2021).

Портякова Н. Нашли QUAD : для чего лидеры Австралии, США, Индии и Японии встречаются лично // Известия. – Москва, 2021. – 23.09. – URL: <https://iz.ru/1225783/nataliia-portiakova/nashli-quad-dlia-chego-lidery-avstralii-ssha-indii-i-iaponii-vstrechajutsia-lichno> (дата обращения: 22.12.2021).

Приймак А., Самохин А. Отношениям России и Индии угрожают планы «азиатского НАТО» // Взгляд. – Москва, 2021. – 07.04. – URL: <https://vz.ru/politics/2021/4/7/1093274.html> (дата обращения: 22.12.2021).

Саммит БРИКС : Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС // Президент России. – Москва, 2021. – 09.09. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66644> (дата обращения: 22.12.2021).

Сенюк Н.Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом : дисс. ... канд. экон. наук / МГИМО (У) МИД РФ. – Москва, 2012. – 198 с.

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года / БРИКС. – Москва, 2020. – 16 с. – URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).

Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – Москва : Дело, 1977. – 864 с.

Baiashvili T., Gattini L. Impact of FDI on economies growth : the role of country income levels and multinational strength / European Investment Bank. – Luxembourg, 2020. – 42 p. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/cafbdb42-5f5a-11ea-b735-01aa75ed71a1/language-en> (date of access: 22.12.2021).

Buckley P.J. The theory and empirics of the structural reshaping of globalization // J. of international business studies. – London : Palgrave Macmillan, 2020. – Vol. 51, Issue 9. – P. 1580–1592.

Carkovic M., Levine R. Does foreign direct investment accelerate economic growth? // Does FDI promote development? / Moran T.H., Blomstrom M., Graham E. (Eds.). – Washington, DC, 2005. – P. 195–220.

Evenett S.J., Fritz J. Advancing sustainable development with FDI : why policy must be reset / Hinrich Foundation. – Hong Kong, 2021. – 03.06. – 128 p. – URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/fdi/advancing-sustainable-development-with-fdi/> (date of access: 22.12.2021).

Li R. Institutional suitability and economic development. – Beijing : Chinese economic publishing, 2008. – 462 p.

Li X., Liu X. Foreign direct investment and economic growth : an increasingly endogenous relationship // World development. – Amsterdam : Elsevier, 2005. – Vol. 33, Issue 3. – P. 393–407.

Moon H.C., Rugman A.M., Verbeke A. The generalized double diamond approach to the global competitiveness of Korea and Singapore // International business review. – Brussels, 1998. – Vol. 7, Issue 1. – P. 135–150.

O'Neill J. Building better global economic BRICs / Goldman Sachs Group. – New York, 2001. – 30.11. – 16 p. – (Global Economics Paper ; N 66).

Perskaya V.V. Main directions of deepening the BRICS country partnership : based on a comparative analysis of national development strategies // Religación. – Quito, 2019. – Vol. 4, Issue 17. – P. 206–214.

Petricic O., Teece D.J. The structural reshaping of globalization : implications for strategic sectors, profiting from innovation, and the multinational enterprise // J. of international business studies. – London : Palgrave Macmillan, 2019. – Vol. 50, Issue 9. – P. 1487–1512.

Porter M.E. The competitive advantage of nations. – New York : Free Press, 1990. – 896 p.

Reviving FDI's transformative power / Hinrich Foundation. – Hong Kong, 2021. – 24.08. – URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/reviving-fdi-s-transformative-power/> (date of access: 22.12.2021).

Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // J. of political economy. – Chicago, IL : Univ. of Chicago press, 1986. – Vol. 94, Issue 5. – P. 1002–1037.

Roubini N. The economic fundamentals of 2013 // Project Syndicate. – New York, 2013. – 13.01. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-global-economy-s-rising-risks-in-2013-by-nouriel-roubini> (date of access: 22.12.2021).

Sala-i-Martin X.X. Regional cohesion : evidence and theories of regional growth and convergence // European economic review. – Amsterdam : Elsevier, 1996. – Vol. 40, Issue 6. – P. 1325–1352.

Scissors D. China's global investment vanishes under COVID-19 / American enterprise institute. – Washington, DC, 2020. – 16.07. – URL: <https://www.aei.org/research-products/report/chinas-global-investment-vanishes-under-covid-19/> (date of access: 22.12.2021).

Seniuk N., De Groot Z. Motivations, preferences, and barriers to going abroad : Russian high-tech start-ups and small innovative enterprises // Outlines of global transformations. – Moscow, 2019. – Vol. 12, Issue 6. – P. 94–129.

Shashnov S., Kotsemir M., Grebenyuk K. S&T priorities for BRICS countries : in search of a win-win strategy // BRICS innovative competitiveness report 2017 / Zhao X., Li M., Huang M., Sokolov A. (Eds.). – Singapore : Springer, 2018. – P. 31–65.

Solís M. The Big Squeeze : Japanese supply chains and Great Power competition / International studies association. – New York, 2021. – 29 p. – URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/ISA2021/Archive/dafae1b3-223b-4587-ba86-0b173a6779c6.pdf> (date of access: 22.12.2021).

Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // The quarterly j. of economics. – Oxford : Oxford univ. press, 1956. – Vol. 70, Issue 1. – P. 65–91.

Swan T.W. Economic growth and capital accumulation // Economic record. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell, 1956. – Vol. 32, Issue 2. – P. 334–361.

Taronaviciene M., Kalasinskaite K. Whether globalization in form of FDI enhances national wealth : empirical evidence from Lithuania // J. of business economics and management / Vilnius Gediminas technical univ. – Vilnius, 2010. – Vol. 11, Issue 1. – P. 5–19.

The impact of foreign direct investment on income inequality / Le Q.H., Do Q.A., Phan H.C., Nguyen T.D. // *Economies*. – Basel : MDPI, 2021. – Vol. 9(1), Issue 27. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-7099/9/1/27> (date of access: 22.12.2021).

World investment report 2010 : investing in a low-carbon economy / UNCTAD. – New York ; Geneva, 2010. – 220 p. – URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2010> (date of access: 22.12.2021).

World investment report 2021 : investing in sustainable recovery / UNCTAD. – New York ; Geneva, 2021. – 280 p. – URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2021> (date of access: 22.12.2021).

Yifu L.J., Wang X. Dual circulation : a new structural economics view of development // *J. of Chinese economic and business studies*. – Beijing, 2021. – 04.06. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14765284.2021.1929793> (date of access: 22.12.2021).

DOI: 10.31249/ape/2022.01.06

© Seniuk N.Yu.¹, 2022

International direct investment as an instrument of economic co-development of the BRICS countries in the context of the COVID-19 pandemic

Abstract. International direct investment plays an important transformational role in the global competitiveness of fast-growing economies, including the economies of the BRICS countries. The economic basis for such a transformation is created by the corresponding restructuring of the fixed capital from the participating countries, which determines the outstripping growth of GDP, and at the same time of national wealth. Thanks to its outstripping growth, the BRICS Group has become the most sustainable source of global economic development on the planet. Over 15 years of stage-by-stage integration in the BRICS countries, a fairly complete picture of workable mechanisms of multilateral investment cooperation at all levels has been formed. At the same time, joint and national development institutions

---

¹ *Seniuk Ninel Yurievna* – Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics» (seniukninel@gmail.com).

have been created and are successfully functioning, which form the institutional infrastructure of multilateral cooperation. With a huge and far from investment saturation potential of international production and co-development, the BRICS countries are, to varying degrees, interested in attracting global technology-oriented FDI. However, starting from the initial focus on the development of real production, the BRICS countries inevitably find themselves involved in the existing world economic order with the dominance of monetarist methods of managing economic systems and processes. As a result, the national economies of the BRICS unavoidably feel the crisis inflationary blows generated by the developed economies.

Keywords: BRICS, FDI, global value chains, VUCA-conditions, US-China trade war.

References

Baiashvili T., Gattini L. (2020). Impact of FDI on economies growth : the role of country income levels and multinational strength / European Investment Bank. – Luxembourg. – 42 p. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/cafbdb42-5f5a-11ea-b735-01aa75ed71a1/lan-guage-en> (date of access: 22.12.2021).

BRICS 2014 : prospects and strategic priorities of the BRICS ascent [BRICS 2014 : *perspektivy i strategicheskie priorityety voskhozhdeniya BRIKS*]. (2014) / Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S.Yu. – Moscow. – 392 p.

BRICS economic partnership strategy 2025 [Strategiya ekonomicheskogo partnerstva BRIKS do 2025 goda]. (2020) / BRICS. – Moscow. – 16 p. – URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (date of access: 22.12.2021).

BRICS summit : New Delhi declaration of the XIII BRICS summit [Sammit BRIKS : *N'yu-Deliiskaya deklaratsiya XIII sammita BRIKS*]. (2021) / President of Russia. – Moscow. – 09.09. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66644> (date of access: 22.12.2021).

Buckley P.J. (2020). The theory and empirics of the structural reshaping of globalization // J. of international business studies. – London : Palgrave Macmillan. – Vol. 51, Issue 9. – P. 1580–1592.

Carkovic M., Levine R. (2005). Does foreign direct investment accelerate economic growth? // Does FDI promote development? / Moran T.H., Blomstrom M., Graham E. (Eds.). – Washington, DC. – P. 195–220.

Evenett S.J., Fritz J. (2021). Advancing sustainable development with FDI : why policy must be reset / Hinrich Foundation. – Hong Kong. – 03.06. –

128 p. – URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/fdi/advancing-sustainable-development-with-fdi/> (date of access: 22.12.2021).

Fischer S., Dornbusch R., Schmalenzi R. (1977). Economics [*Ekonomika*]. – Moscow : Delo. – 864 p.

Kuznetsov A.V. (2007). Internationalization of the Russian economy : investment aspect [*Internatsionalizatsiya rossiiskoi ekonomiki : investitsionnyi aspekt*]. – Moscow : Komkniga. – 288 p.

Li R. (2008). Institutional suitability and economic development. – Beijing : Chinese economic publishing. – 462 p.

Li X., Liu X. (2005). Foreign direct investment and economic growth : an increasingly endogenous relationship // World development. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 33, Issue 3. – P. 393–407.

Moon H.C., Rugman A.M., Verbeke A. (1998). The generalized double diamond approach to the global competitiveness of Korea and Singapore // International business review. – Brussels. – Vol. 7, Issue 1. – P. 135–150.

Moscow declaration of the XII BRICS summit [*Moskovskaya deklaratsiya XII sammita BRIKS*]. (2020) / President of Russia. – Moscow. – 17.11. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (date of access: 22.12.2021).

New Alliance AUKUS : Indo-Pacific NATO? [*Novyi al'yans AUKUS : v mire poavilas' «Indo-Tikhookeanskaya NATO»?*]. (2021) // Deutsche Welle. – Berlin. – 30.09. – URL: <https://www.dw.com/ru/novyj-aljans-aukus-borba-kitaja-i-ssha/a-59353868> (date of access: 22.12.2021).

O'Neill J. (2001). Building better global economic BRICs / Goldman Sachs Group. – New York. – 30.11. – (Global Economics Paper; N 66). – 16 p.

Perskaya V.V. (2019). Main directions of deepening the BRICS country partnership : based on a comparative analysis of national development strategies // Religación. – Quito. – Vol. 4, Issue 17. – P. 206–214.

Petricevic O., Teece D.J. (2019). The structural reshaping of globalization : implications for strategic sectors, profiting from innovation, and the multinational enterprise // J. of international business studies. – London : Palgrave Macmillan. – Vol. 50, Issue 9. – P. 1487–1512.

Porter M.E. (1990). The competitive advantage of nations. – New York : Free Press. – 896 p.

Portyakova N. (2021). Found QUAD : why the leaders of Australia, the USA, India and Japan meet in person [*Nashli QUAD : dlya chego lidery Avstralii, SShA, Indii i Yaponii vstrechayutsya lichno*] // Izvestia. – Moscow. – 23.09. – URL: <https://iz.ru/1225783/nataliia-portiakova/nashli-quad-dlia-chego-lidery-avstralii-ssha-indii-i-iaponii-vstrechayutsia-lichno> (date of access: 22.12.2021).

Priymak A., Samokhin A. (2021). Relations between Russia and India are threatened by the plans of the «Asian NATO» [*Otnosheniyam Rossii i Indii*

ugrozhayut plany «aziatskogo NATO»] // Vzglyad. – Moscow. – 07.04. – URL: <https://vz.ru/politics/2021/4/7/1093274.html> (date of access: 22.12.2021).

Reviving FDI's transformative power. (2021) / Hinrich Foundation. – Hong Kong. – 24.08. – URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/fdi/reviving-fdi-s-transformative-power/> (date of access: 22.12.2021).

Romer P.M. (1986). Increasing returns and long-run growth // J. of political economy. – Chicago, IL : Univ. of Chicago press. – Vol. 94, Issue 5. – P. 1002–1037.

Roubini N. (2013). The economic fundamentals of 2013 // Project Syndicate. – New York. – 13.01. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-global-economy-s-rising-risks-in-2013-by-nouriel-roubini> (date of access: 22.12.2021).

Sala-i-Martin X.X. (1996). Regional cohesion : evidence and theories of regional growth and convergence // European economic review. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 40, Issue 6. – P. 1325–1352.

Scissors D. (2020). China's global investment vanishes under COVID-19 / American enterprise institute. – Washington, DC. – 16.07. – URL: <https://www.aei.org/research-products/report/chinas-global-investment-vanishes-under-covid-19/> (date of access: 22.12.2021).

Seniuk N.Yu. (2012). China's direct investment abroad : Ph.D. thesis [*Pryamyje investitsii Kitaya za rubezhom : diss. ... kand. ekon. nauk*] / MGIMO (U) MFA Russia. – Moscow. – 198 p.

Seniuk N., De Groot Z. (2019). Motivations, preferences, and barriers to going abroad : Russian high-tech start-ups and small innovative enterprises // Outlines of global transformations. – Moscow. – Vol. 12, Issue 6. – P. 94–129.

Shashnov S., Kotsemir M., Grebenyuk K. (2018). S&T priorities for BRICS countries : in search of a win-win strategy // BRICS innovative competitiveness report 2017 / Zhao X., Li M., Huang M., Sokolov A. (Eds.). – Singapore : Springer. – P. 31–65.

Solis M. (2021). The Big Squeeze : Japanese supply chains and Great Power competition / International studies association. – New York. – 29 p. – URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/ISA2021/Archive/dafae1b3-223b-4587-ba86-0b173a6779c6.pdf> (date of access: 22.12.2021).

Solow R.M.(1956). A contribution to the theory of economic growth // The quarterly j. of economics. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 70, Issue 1. – P. 65–91.

Swan T.W. (1956). Economic growth and capital accumulation // Economic record. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – Vol. 32, Issue 2. – P. 334–361.

Taronaviciene M., Kalasinskaite K. (2010). Whether globalization in form of FDI enhances national wealth : empirical evidence from Lithuania // J.

***Прямые международные инвестиции
как средство экономического
со-развития стран БРИКС в условиях
пандемии COVID-19***

of business economics and management / Vilnius Gediminas technical univ. – Vilnius. – Vol. 11, Issue 1. – P. 5–19.

The impact of foreign direct investment on income inequality. (2021) / Le Q.H., Do Q.A., Phan H.C., Nguyen T.D. // *Economies*. – Basel : MDPI. – Vol. 9(1), Issue 27. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-7099/9/1/27> (date of access: 22.12.2021).

World investment report 2010 : investing in a low-carbon economy. (2010) / UNCTAD. – New York ; Geneva. – 220 p. – URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2010> (date of access: 22.12.2021).

World investment report 2021 : investing in sustainable recovery. (2021) / UNCTAD. – New York ; Geneva. – 280 p. – URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2021> (date of access: 22.12.2021).

Yifu L.J., Wang X. (2021). Dual circulation : a new structural economics view of development // *J. of Chinese economic and business studies*. – Beijing. – 04.06. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14765284.2021.1929793> (date of access: 22.12.2021).